



УДК 347.1+347.6  
ББК 67.4

## ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ОТРАСЛИ

Рузанова Валентина Дмитриевна

Кандидат юридических наук, доцент,  
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права  
Самарского государственного университета  
vd.ruz@mail.ru  
ул. Академика Павлова, д. 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация

**Аннотация.** Статья посвящена вопросам соотношения гражданского права и семейного права. На основе анализа доктринальных источников автор доказывает самостоятельность семейного права как отрасли. В результате делается вывод о том, что гражданское и семейное право не только отличаются друг от друга, но и имеют широкую основу для взаимодействия, поскольку семейное право исторически отпочковалось от гражданского. При этом утверждается, что решение смежных вопросов лежит на путях скоординированного совершенствования как гражданского, так и семейного законодательства, в частности, в регулировании отношений с участием несовершеннолетних.

**Ключевые слова:** гражданское право, семейное право, предмет отрасли права, метод правового регулирования, гражданское законодательство, семейное законодательство, права несовершеннолетних.

В настоящее время, когда идет интенсивная работа по совершенствованию гражданского законодательства, особенно актуализируется проблема гармонизации взаимодействия норм гражданского права с нормами смежных отраслей, в частности, семейного права. Общетеоретической базой исследования в указанной сфере должно являться, с одной стороны, определение критериев, свидетельствующих о самостоятельности семейного права как отрасли, а с другой – установление точек соприкосновения данных отраслей, поскольку исторически семейное право (также как и земельное и трудовое) сначала входило в состав гражданского права, а затем отпочковалось от него. Таким образом, как отмечает В.Ф. Яковлев, гражданское право является материнской отраслью для названных отраслей права [36, с. 735].

В юридической литературе широко дискутируется вопрос о месте семейного права в системе права. Основной смысл обозначенного спора заключается в том, является ли семейное право самостоятельной отраслью или же оно выступает в качестве составной части гражданского права. В рамках настоящего исследования остановимся на анализе только принципиальных моментов, позволяющих аргументировать нашу позицию по данному вопросу.

Одним из последних сторонников включения семейного права в состав гражданского в советский период являлся О.С. Иоффе [11, с. 185]. В настоящее время такая позиция также находит своих приверженцев. Например, М.В. Антокольская утверждает, что поскольку существенной разницы между предметом гражданского и семейного права нет, то семейное право следует рассматривать как по-

дотрасль гражданского права, обладающую значительной внутриотраслевой спецификой [4, с. 12, 30; 10, с. 299–300]. Следует отметить, что в основе такого взгляда иногда лежат принципиально иные теоретические предпосылки, нежели изложенные выше, в частности, известная идея восстановления системы частного права. Так, М.И. Брагинский считает, что самые разнообразные тенденции «подтверждают стремление к слиянию земельного, семейного и трудового права с правом гражданским и восстановлению единого частного (гражданского) права» [6, с. 75–76]. Такое слияние отраслей права, по мнению Л.Ю. Михеевой, не означает слияния отраслей законодательства (гражданского, семейного и т. д.), которые по-прежнему имеют право на существование и призваны обеспечить специфику правового регулирования тех или иных отношений [16, с. 253]. Критики изложенной точки зрения, в частности О.А. Парягина, отмечают, что такое подразделение права (на частное и публичное) имеет первостепенное значение для определения типа, методологии правового регулирования общественных отношений, но не отвечает практическим потребностям обособления также менее крупных общностей правовых норм в системе права [22, с. 180].

Авторы, рассматривающие семейное право как самостоятельную отрасль, выстраивают целую систему аргументов, базирующуюся на специфике предмета, метода правового регулирования и других принципиальных особенностях семейного права. Еще в период действия Свода законов гражданских Российской империи, когда семейственные права и обязанности регулировались законами гражданскими (т. X кн. 1 Свода законов гражданских), И.Г. Оршанский писал о том, что брак – это институт естественный и нравственный, а не гражданско-политический, брачующиеся рассматриваются как люди, а не как граждане, и что здесь на первом месте личные права, «а потом имущественные» (цит. по: [19, с. 32]). Аналогичной позиции придерживался и А.И. Загоровский, который определял семейное право как «совокупность юридических норм, регулирующих отношения членов семьи» и говорил о существенном отличии семейные отношений от отношений гражданс-

кого права (цит. по: [19, с. 32]). В послереволюционный период указанная дискуссия получила свое продолжение. Так, в 1927 г. С.И. Равич, обосновывая самостоятельность семейного права как отрасли, указывал на императивный характер его норм, наличие характерных для него как социалистического права публично-правовых элементов, отличающих эту отрасль от гражданского права. По его мнению, к семейным отношениям нормы гражданского права применяться вообще не должны [26, с. 420]. Впоследствии изложенная позиция получила поддержку у широкого круга ученых [3, с. 102; 7; 28, с. 13; 30, с. 58; 31; 32, с. 364; 37, с. 9–10]. Г.Н. Амфитеатров, в частности, писал о том, что, во-первых, имущественные отношения в семейном праве не доминируют над неимущественными, как это происходит в гражданском праве, а занимают подчиненное, зависимое положение, и, во-вторых, сами семейно-имущественные отношения – это отношения особого рода, к которым классические цивилистические конституции неприменимы [3, с. 102]. Отметим, что нередко одним из основных аргументов в пользу самостоятельности семейного права служило утверждение о том, что в советском обществе, в отличие от буржуазного, семейные отношения прежде всего являются отношениями личного характера и не связаны с имуществом. В настоящее время приверженцами идеи самостоятельности семейного права является подавляющее большинство ученых, занимающихся этой проблематикой [1, с. 14; 13, с. 71; 14, с. 6–9; 19, с. 36–37; 25, с. 8; 34, с. 9; 35, с. 106; 36, с. 735–740].

Прежде всего, отметим, что для обоснования самостоятельности советского семейного права использовался в том числе и идеологический компонент: сравнение его с правом буржуазного общества, в котором семейные отношения носят рыночный, а не личный характер. Кроме того, поскольку в структуре метода преобладающим был императивный элемент, то это также рассматривалось в качестве одного из основных отличительных черт семейного права. В настоящее время в семейно-правовом регулировании произошли существенные изменения, связанные в первую очередь с известным усилением его диспозитивной направленности. Однако это не озна-

чает, что доктринальные разработки советского периода в этой сфере утратили свою ценность. Просто сегодня нужны дополнительные доводы, обосновывающие самостоятельность данной отрасли права.

В современной доктрине выработана целая система (с той или иной степенью детализации) убедительных аргументов в пользу обсуждаемой позиции, которые в основной своей части мы поддерживаем. Так, А.М. Нечаева говорит о том, что семейное право, тяготеющее к праву естественному, отвечает всем требованиям, предъявляемым к отрасли права как таковой, отраженным в его предмете, ядро которого составляют духовность, нравственные начала человеческого поведения, что относится к непреходящим ценностям российского общества, методе (императивно-диспозитивный), имеющем лишь внешнее, сугубо формальное сходство с методом гражданско-правового регулирования, в преобладании в основном публичных начал в регулировании, особенно когда речь идет о защите нарушенных прав ребенка, в его цели и направленности (воспитательная нагрузка) [19, с. 36–37]. Иногда приводятся более сжатые доводы и в другом ключе. Например, О.Ю. Косова отмечает: «Отношения, регулируемые гражданским правом, связаны с обладанием или приобретением материальных благ», а «в семейных отношениях люди преследуют иного рода интересы: продолжение рода, совместное решение вопросов и повседневное общение друг с другом» [13, с. 76]. Представляется, что с методологической точки зрения при формировании системы аргументов в обоснование изложенной позиции необходимо прежде всего акцентировать внимание на принципиальных параметрах, которыми должна характеризоваться любая отрасль права. В связи с этим мы присоединяемся к подходу, при котором речь следует вести о специфике предмета отрасли права, принципов и метода правового регулирования, а также юридических фактов. Соглашаясь в целом с мыслью о тяготении семейного права к праву естественному, мы исходим из того, что само по себе это обстоятельство не предопределяет своеобразие данной отрасли права.

Главная особенность семейного права в плане сравнения его с гражданским правом, как справедливо подчеркивает В.Ф. Яковлев, состоит в том, что семейное право, являясь самостоятельной отраслью, вместе с тем «по характеру регулирования» близко к гражданскому праву [36, с. 736]. И это не случайно, ведь исторически оно выделилось из гражданского права. Указанная особенность влечет необходимость устанавливать не только различия, но и точки соприкосновения данных нормативных массивов.

Возвращаясь к обоснованию самостоятельности семейного права, обратимся к разделяемым нами доводам, приведенным В.Ф. Яковлевым. Обращаясь к предмету семейного права, автор одновременно говорит о сходстве и отличиях этих отраслей. Обе эти отрасли, подчеркивает В.Ф. Яковлев, регулируют как имущественные, так и личные неимущественные отношения. Однако в семейном праве, в противоположность гражданскому, определяющее значение имеют личные неимущественные отношения между членами семьи, при этом ядром предмета здесь являются именно те отношения, в которых личность их участников имеет определяющее значение, это личные связи, принципиально характеризующиеся незаменимостью субъектного состава, что делает их длящимися [там же, с. 736–737]. Следует отметить, что сторонники самостоятельности семейного права, независимо от того, идет ли речь о прежнем или ныне действующем семейном законодательстве, в принципе приводят схожую с изложенной систему аргументов, обращая внимание, прежде всего, на то, что основу предмета семейного права составляют именно личные неимущественные отношения, имущественные же носят зависимый, производный от личных характер [1, с. 11–15; 8, с. 12; 12, с. 9; 15, с. 35; 18, с. 94–95; 28, с. 9]. «Сущность семейного правоотношения, – справедливо подчеркивает Е.М. Ворожейкин, – такова, что оно всегда включает в себя элемент *личного*, независимо от целевой направленности правоотношения, его характера и вида» [8, с. 45–46]. На это обстоятельство неоднократно обращалось внимание в литературе. Так, С.С. Алексеев отмечал, что уже само по себе самоопределение семейного права свя-

зано «с переносом центра тяжести при регулировании семейных отношений на личные неимущественные отношения» [2, с. 105].

Противниками самостоятельности семейного права проводится мысль о том, что в условиях рыночной экономики личный характер отношений между членами семьи действительно «накладывает отпечаток на возникающие между ними имущественные отношения, но не меняет их природы, predetermined товарным характером производства». По этой причине уровень специфики семейных отношений позволяет говорить о семейном праве лишь как об подотрасли гражданского права [4, с. 12, 30; 9, с. 17–18]. По мнению М.В. Антокольской, в семейном праве, так же как и в гражданском, на первом месте стоят имущественные отношения, поскольку большинство личных неимущественных отношений в семье не подвластны правовому регулированию. Автор утверждает, что имущественным отношениям в предмете семейного права отводится больше места, чем личным неимущественным. Но если это так, делается вывод, то предмет семейного права оказывается полностью совпадающим с предметом гражданского права [4, с. 10–14]. Однако согласиться с приведенными аргументами не представляется возможным. С нашей точки зрения, методологическая ошибка данного подхода кроется в использовании при сравнительном анализе только «количественного» критерия. Дело в том, что в данном случае названный критерий неприменим, поскольку здесь имеет место связь иного рода: имущественные отношения в семейном праве не только непосредственно связаны с личными, но и как бы вытекают из них, поэтому они производны от отношений личных [36, с. 736]. Одним из аргументов противником самостоятельности семейного права также является утверждение о том, что имущественные отношения между членами семьи в условиях рыночной экономики приобретают стоимостной характер, выражающийся, в частности, в возможности использования для их закрепления договорных форм [9, с. 17].

Полагаем, что с таким утверждением также трудно солидаризироваться, поскольку в нем не отражаются действительные отношения в семье по поводу имущества и иму-

щественных предоставлений. Мы поддерживаем широко распространенный в литературе взгляд (в силу его обоснованности), что семейные имущественные отношения (в отличие от гражданских) – это «отношения соединения собственности или безвозмездного предоставления материальных благ» (содержания членами семьи друг друга), а не товарно-денежного обмена, и что введение договорных начал в имущественную сферу семьи не меняет их природы, так как договору «как средству регулирования семейных отношений решающая роль отнюдь не принадлежит» и он «в сравнении с гражданским правом имеет весьма ограниченное применение и значение» [36, с. 736–738].

Дискуссия ведется и относительно метода семейного права. Сторонниками самостоятельности этой отрасли права ее метод характеризуется как дозвоительно-императивный (или, в зависимости от акцентов, как императивно-дозвоительный). Так, по мнению Л.М. Пчелинцевой, увеличение диспозитивных норм в семейном законодательстве привело лишь к расширению применения дозвоительного метода, однако число императивных предписаний в семейном праве по-прежнему велико, что позволяет говорить о дозвоительно-императивном методе с усилением дозвоительных начал ([25, с. 14]; см. об этом также: [17, с. 6–7; 36, с. 737]).

Представители противоположной точки зрения исходят из иных посылок. Так, М.В. Антокольская полагает, что в связи с увеличением числа диспозитивных норм в семейном законодательстве императивно-дозвоительный метод регулирования семейных отношений уступил место диспозитивному, при этом возросло значение и ситуационных норм, что позволяет его охарактеризовать в целом как диспозитивный и ситуационный с сохранением значительного императивного начала [4, с. 26–30].

Соглашаясь с первой позицией, подчеркнем, что, несмотря на то, что в семейном праве диспозитивность действительно присутствует, однако в отличие от гражданского права она не имеет преобладающего значения. Таким образом, семейное право как самостоятельная отрасль права имеет свой метод правового регулирования.

Семейное право базируется на определенной системе принципов, основным из которых является принцип приоритетной защиты прав и интересов нетрудоспособных и несовершеннолетних членов семьи (ст. 1 СК РФ), что также отличает его от гражданского права (ст. 1 ГК РФ). Вывод о самостоятельности этой отрасли права подтверждается и спецификой юридических фактов в семейно-правовой сфере. Так, в их структуре большое значение имеют события (например, рождение ребенка), такие действия, для совершения которых требуется не только воля субъектов (в частности, заключение и расторжение брака) и т. д. Применение договора, как отмечалось, в отличие от гражданского права здесь весьма ограничено [36, с. 738–739].

Выводы о самостоятельности семейного права и его взаимосвязи с гражданским правом имеют большое значение для решения двух принципиальных вопросов: о системе гражданского законодательства, поскольку последнее как форма права должно закреплять совокупность именно гражданско-правовых норм, и о направлении совершенствования правового регулирования в смежных для этих отраслей сферах.

Гражданское законодательство и семейное законодательство в качестве формы соответствующей отрасли права являются вполне автономными нормативными массивами. Во главе каждой отрасли стоит соответствующий кодификационный нормативный правовой акт, что свидетельствует о самостоятельности соответствующих отраслей законодательства.

Вместе с тем тот факт, что семейное право отпочковалось от гражданского, предопределяет существенную специфику их взаимодействия на уровне как общих правил, так и отдельных правовых институтов. В первом случае речь идет о возможности субсидиарного применения норм гражданского права к семейным отношениям и об аналогии права и закона (ст. 4, 5 СК РФ). Поддерживаем опасения, высказанные В.Ф. Яковлевым, относительно применения к семейным отношениям гражданского права по аналогии, поскольку принципы гражданского и семейного права, как отмечалось, имеют существенные различия [36, с. 740].

Вместе с тем на стыке гражданского и семейного права существует целый ряд инсти-

тутов, например, право совместной собственности супругов. В рамках настоящего исследования остановимся на особенностях регулирования имущественных отношений с участием ребенка. В современных условиях, когда охрана семьи и соблюдение интересов ребенка становится одним из основных направлений государственной политики, особую актуальность приобретают проблемы межотраслевой гармонизации правового закрепления прав ребенка. Прежде всего это касается согласованности в регулировании имущественных прав ребенка такими отраслями права, как гражданское и семейное. Действующее гражданское законодательство не учитывает то важное обстоятельство, что взаимоотношения между родителями (усыновителями) и детьми в имущественной сфере не полностью укладываются в рамки существующих гражданско-правовых конструкций. К сожалению, процесс совершенствования ГК РФ практически не коснулся вопросов, связанных с необходимостью адекватного учета особенностей связей между родителями и детьми.

Так, в юридической литературе длительное время обсуждается вопрос о необходимости пересмотра правового механизма совершения сделок с участием несовершеннолетних [20, с. 49–50, 75–83; 21; 23; 33, с. 145]. Учеными и практиками неоднократно предлагалось адаптировать положения п. 3 ст. 37 ГК РФ и п. 3 ст. 182 ГК РФ, устанавливающие соответствующие запреты и ограничения при заключении сделок, к сделкам между родителями (усыновителями) и детьми, поскольку названные нормы противоречат существу таких отношений. Например, практически неразрешимой является ситуация, когда у ребенка есть только один родитель, поскольку в этом случае невозможно совершение никаких сделок между родителем (усыновителем) и ребенком.

Выход из положения, когда родители при совершении сделки не могут выступать представителями своих детей, некоторые авторы видят в применении аналогии закона, в частности, п. 2 ст. 64 СК РФ [23, с. 256]. С нашей точки зрения, решение этой проблемы лежит на путях совершенствования гражданского законодательства в направлении учета особенностей семейных связей родителей и детей. Первые шаги здесь уже сделаны: в п. 3 ст. 182 ГК РФ внесены изменения, установ-

ливающие возможность определения в законе исключений из этого общего запрета. Однако этого недостаточно. Необходимо специально урегулировать порядок совершения сделок родителями (усыновителями) как законными представителями своих детей.

К сожалению, при внесении изменений в ГК РФ остались без внимания другие обоснованные предложения, связанные с совершением сделок и иных действий с участием или в интересах несовершеннолетних. Привлекательной, например, является мысль Н.М. Савельевой о введении законного поручительства родителей по сделкам несовершеннолетних [29, с. 71]. Требуется своего легального решения и практический вопрос о том, оба ли родителя должны давать согласие на совершение сделки несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет или же достаточно согласия одного из них (ст. 26 ГК РФ)<sup>1</sup>. Ждет нормативного уточнения право совместно проживающих детей и родителей владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию (п. 4 ст. 60 СК РФ). Как справедливо отмечает А.Е. Тарасова, ГК РФ и СК РФ не совсем согласуются в определении правового режима имущества несовершеннолетних [33, с. 142–143]. Взаимное согласие, на которое указывает п. 4 ст. 60 СК РФ, с точки зрения гражданского права означает совершение сделки между ребенком и родителем. Однако относительно имущества ребенка такая сделка не может быть совершена в силу запрета, содержащегося в п. 3 ст. 37 ГК РФ. Вполне очевидной является и необходимость легального оформления предложенных С.В. Осиповой мер, направленных на охрану прав несовершеннолетних в сфере наследования [20, с. 56–61] и т. д.

Большое значение приобретает также установление взаимосвязи между гражданско-правовой регламентацией в части имущественных прав и обязанностей несовершеннолетних и семейно-правовой обязанностью родителей содержать своих детей (п. 1 ст. 80 СК РФ).

Права ребенка как участника гражданско-правовых отношений нередко связаны с определенным имущественным бременем, несение которого по умолчанию возлагается на родителей. Однако правовая природа таких материальных затрат родителей не совсем ясна. Более того, иногда законодатель возлагает оп-

ределенные расходы, связанные с реализацией прав детьми, и на других членов семьи. Например, по договору социального найма ребенок является членом семьи нанимателя и, следовательно, имеет предусмотренные жилищным законодательством права и обязанности. Однако солидарная ответственность по обязательствам (например, по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги) лежит только на дееспособных членах семьи (ч. 2 ст. 69 ЖК РФ). Таким образом, обязанность несения имущественного бремени, в том числе в части, падающей на детей, по смыслу ЖК РФ как бы распределяется между всеми дееспособными членами семьи нанимателя. Далее, дети-собственники имущества имеют все предусмотренные гражданским, налоговым и иным законодательством имущественные обязанности (уплата налогов, расходы на содержание жилого помещения и т. д.). Как правило, родители несут указанные обязанности добровольно и за счет своих средств. Возникает вопрос, как следует квалифицировать такие затраты родителей: являются ли они исполнением их собственной семейно-правовой обязанности по содержанию детей или же здесь имеет место добровольное исполнение имущественной обязанности за ребенка? На практике проблема юридической квалификации указанных имущественных затрат актуализируется, например, в случае расторжения брака между родителями и решением в этой связи вопроса о дальнейшем содержании ребенка. Как известно, обязанность родителей по материальному обеспечению ребенка в первую очередь выражается в предоставлении ему необходимого питания, одежды, предметов досуга, отдыха и т. д. [24, с. 236]. По действующему законодательству, принудительное исполнение семейно-правовой обязанности родителей по содержанию своих детей по объему ограничивается уплатой алиментов и участием родителей в дополнительных расходах на детей (ст. 80 и 86 СК РФ). Между тем нередко на родителя, с которым остается проживать ребенок, ложится ряд дополнительных имущественных расходов, в частности, в связи с необходимостью обеспечения нормальных условий его проживания, поддержания имущества несовершеннолетнего в надлежащем состоянии и т. д.

В юридической литературе длительное время дискутируется вопрос о соотношении

понятий «алименты» и «материальное содержание» [5, с. 40–44]. Мы поддерживаем позицию тех авторов, которые считают, что второе понятие шире первого, и рассматривают материальное содержание как материальное обеспечение, необходимое для создания нормальных условий жизни и развития ребенка [там же, с. 43]. Предлагаем материальное содержание (обеспечение) детей разделить на две группы расходов: на текущие расходы (расходы на питание, приобретение одежды, предметов досуга, отдыха и т. д.) и иные расходы (расходы, необходимые для обеспечения нормальных условий проживания и развития ребенка (например, уплата налога и оплата содержания квартиры, принадлежащей ребенку на праве собственности, в которой ребенок проживает), поддержания имущества несовершеннолетнего, необходимого для создания нормальных условий его жизни, в надлежащем состоянии и т. д.).

Для родителя, уплачивающего алименты, первая группа расходов должна ограничиваться собственно алиментами, а вторая – являться расходами, размер и состав которых (при наличии спора) должен дополнительно определяться судом. При этом привлечение родителя к несению таких дополнительных расходов должно иметь место только в случае, если размер алиментов не позволяет покрыть (в соответствующей части) вторую группу расходов. За этими пределами несение родителями тех или иных затрат следует рассматривать как добровольное исполнение ими имущественных обязанностей за ребенка, а не как исполнение ими своей семейно-правовой обязанности по его содержанию.

Перед юридической наукой и практикой в рассматриваемой сфере постоянно возникают все новые и новые жизненно важные проблемы. Уже сегодня, например, необходимо предусмотреть правовые последствия (с точки зрения прав ребенка) направления материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, приобретения в общую долевую собственность с ребенком жилого помещения частично за счет банковского кредита под ипотеку последнего и т. д.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе, когда гражданское законодательство подвергается реформированию, особенно важно максималь-

но учесть имеющиеся доктринальные достижения и устранить несогласованность в гражданско-правовом и семейно-правовом регулировании смежных отношений.

Таким образом, гражданское и семейное право и законодательство, будучи самостоятельными отраслями, имеют свой предмет (соответствующие виды отношений), однако находятся в тесном взаимодействии, поскольку в силу исторических причин регулируют целые группы смежных отношений.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Ранее нами обосновывался тезис о том, что для действительности указанных сделок достаточно согласия одного родителя (при отсутствии письменного возражения другого родителя и указания в ГК РФ на необходимость дачи согласия на ту или иную сделку обоих родителей) [27, с. 73].

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, И. Ф. Правовое регулирование семейных отношений: соотношение семейного и гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Александров Иван Феоктистович. – Самара, 2004. – 24 с.
2. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. – М. : Госюриздат, 1961. – 187 с.
3. Амфитеатров, Г. Н. К вопросу о понятии советского гражданского права / Г. Н. Амфитеатров // Советское государство и право. – 1940. – № 11. – С. 85–102.
4. Антокольская, М. В. Семейное право / М. В. Антокольская. – М. : Юристъ, 1999. – 366 с.
5. Беспалов, Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации / Ю. Ф. Беспалов. – М. : Владимир : Атлас, 2008. – 324 с.
6. Брагинский, М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» / М. И. Брагинский // Проблемы современного гражданского права. – М. : Городец, 2000. – С. 46–80.
7. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
8. Ворожейкин, Е. М. Семейные правоотношения в СССР / Е. М. Ворожейкин. – М. : Юрид. лит., 1972. – 336 с.
9. Гражданское право : учебник. В 3 т. Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Проспект, 2006. – 773 с.

10. Гражданское право : учебник. В 3 т. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Проспект, 2004. – 783 с.
11. Иоффе, О. С. Советское гражданское право. В 3 т. Т. 3 / О. С. Иоффе. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 347 с.
12. Комментарий к СК РФ / отв. ред. И. М. Кузнецова. – М. : БЕК, 1996. – 512 с.
13. Косова, О. Ю. Предмет семейного права и семейное законодательство / О. Ю. Косова // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 71–78.
14. Левушкин, А. Н. Семейное право : учеб. пособие / А. Н. Левушкин, А. А. Серебрякова. – Ульяновск : УлГУ, 2011. – 368 с.
15. Матвеев, Г. К. Советское семейное право / Г. К. Матвеев. – М. : Юрид. лит., 1985. – 208 с.
16. Михеева, Л. Ю. Опекa и попечительство: Теория и практика / Л. Ю. Михеева ; под ред. Р. П. Мананковой. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 368 с.
17. Муратова, С. А. Семейное право : учеб. пособие / С. А. Муратова. – М. : Юриспруденция, 2001. – 384 с.
18. Нестерова, Н. М. Семейное право: проблемы и перспективы развития (Материалы «Круглого стола») / Н. М. Нестерова // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 93–102.
19. Нечаева, А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А. М. Нечаева. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 279 с.
20. Осипова, С. В. Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук / Осипова Светлана Валерьевна. – Самара, 2007. – 218 с.
21. Осипова, С. В. К вопросу о приобретении жилых помещений для малолетних / С. В. Осипова // Тенденции развития частного права в условиях рыночной экономики : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2009. – С. 207–210.
22. Парягина, О. А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации / О. А. Парягина // Правоведение. – 2004. – № 6. – С. 177–189.
23. Поротикова, О. А. Имущественные права несовершеннолетних детей в гражданском обороте / О. А. Поротикова // Семейные правоотношения: вопросы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 8 дек. 2006 г.) / под ред. О. И. Величковой, О. Н. Шеменевой. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2007. – С. 251–261.
24. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2010. – 695 с.
25. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России / Л. М. Пчелинцева. – М. : НОРМА, 1999. – 663 с.
26. Раевич, С. И. Брачное и семейное право / С. И. Раевич // Основы советского права / под ред. Д. А. Мегеровского. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – С. 420–429.
27. Рузанова, В. Д. Некоторые вопросы защиты семейных и гражданских прав несовершеннолетних / В. Д. Рузанова // Защита интересов семьи и прав несовершеннолетних : сб. науч. ст. / под ред. М. В. Немытиной. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2000. – С. 71–74.
28. Рясенцев, В. А. Семейное право / В. А. Рясенцев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 293 с.
29. Савельева, Н. М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты / Н. М. Савельева. – Самара : Изд-во «Универс-групп», 2006. – 151 с.
30. Свердлов, Г. М. О предмете и системе социалистического семейного права / Г. М. Свердлов // Советское государство и право. – 1941. – № 1. – С. 57–69.
31. Свердлов, Г. М. Советское семейное право / Г. М. Свердлов. – М. : Госюриздат, 1958. – 299 с.
32. Пергамент, А. И. Советское гражданское право. Т. 2 / К. А. Граве, А. И. Пергамент, Г. Н. Полянская, В. Н. Серебровский [и др.] ; под ред. С. Н. Братуся. – М. : Госюриздат, 1951. – 495 с.
33. Тарасова, А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях / А. Е. Тарасова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 320 с.
34. Тарусина, Н. Н. Семейное право / Н. Н. Тарусина. – М. : Проспект, 2001. – 144 с.
35. Шерстнева, Н. С. Принципы семейного права / Н. С. Шерстнева. – М. : Проспект, 2004. – 111 с.
36. Яковлев, В. Ф. Гражданское право в системе права / В. Ф. Яковлев // Избранные труды. [В 3 т.]. Т. 2. Гражданское право: История и современность. Кн. 1 / В. Ф. Яковлев. – М. : Статут, 2012. – 976 с.
37. Яковлев, В. Ф. Советское семейное право / В. Ф. Яковлев ; под ред. В. А. Рясенцева. – М. : Юрид. лит., 1982. – 256 с.

**CIVIL LAW AND FAMILY LAW AS INDEPENDENT  
AND CORRELATED BRANCHES**

**Rusanova Valentina Dmitrievna**

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,  
Head of Department of Civil and Business Law,  
Samara State University  
vd.ruz@mail.ru  
Academician Pavlov St, 131-31, 443110 Samara, Russian Federation

**Abstract.** The article deals with the relation of civil law and family law. Based on the analysis of the academic literature the author proves the independence of family law as a branch. It is concluded that the civil law and family law are not only different from one another, but also have a broad framework for cooperation as family law historically separated out of civil law. It is argued that the solutions on adjoined issues lie with the coordinated ways to improve both the civil and family law, in particular in the regulation of relations with minors.

**Key words:** civil law, family law, subject of a branch of law, method of legal regulation, civil legislation, family legislation, rights of minors.